

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

Весной нынешнего года я заехал к Максиму Максимовичу Штрауху, чтобы обсудить некоторые вопросы, связанные с изданием его книги о ленинском образе на сцене и в кино. Мне предстояло быть редактором этой книги и хотелось встретиться с автором за письменным столом — среди рукописей, фотографий и иных материалов, которых накопилось, как я знал, великое множество.

То, что я увидел, превзошло самые оптимальные ожидания: в большом полукруглом кабинете с окнами на Пушкинскую площадь на столе, на стульях, на полу и подоконниках лежало столько открытых, с закладками книг и исписанных листов, газетных и журнальных вырезок, что, казалось, в этой комнате работает не один человек, а немалый редакционный коллектив. Не скрою, подобный беспорядок несколько испугал меня и даже зародил мысль о том, что до окончания работы еще очень далеко, а я-то думал, что прочитал почти готовую рукопись. Однако хозяин не испытывал никаких затруднений, легко и уверенно ориентировался в этом кажущемся хаосе. Вскоре стало ясно, что никакого аврала нет, а я просто попал в привычную для Максима Максимовича рабочую стихию. Так же, погружаясь в несметную литературу, делая множество заметок, он работал и над своими ролями. На стеллажах выстроились в ряды пухлые папки с поименованием спектаклей и фильмов, в которых участвовал актер.

Книга Штрауха «Моя главная роль» сейчас готовится в издательстве Всероссийского театрального общества к печати. В ту же встречу Максим Максимович рассказал мне, что задумал новую книгу и уже начал над ней работать. Это будут размышления автора о более чем полувековом художественном опыте, о людях и годах. В ожидании нового труда замечательно-го артиста попытаемся отметить лишь некоторые штрихи его жизни в искусстве.

Многие артисты, играющие на сцене и на экране, все же не могут полностью примириться в своем творчестве двух ревнивых муз. Отвечая на привычный репортерский вопрос: «Что вам ближе — театр или кино?», большинство из них склоняется в пользу театра. Для Штрауха такой проблемы не существует, он прямо говорит: «Ведь законы выразительности одинаковы не только для кино и театра, но и для всего искусства. Разница заключается лишь в технических особенностях, которые надо учитывать и к которым актер должен привыкнуть».

Вероятно, такое суждение чересчур категорично, но факт остается фактом: в искусстве Штрауха кино и театр неразделимы. Тому есть серьезные причины: сделав первые шаги на сцене, совсем еще молодой актер в самом начале 20-х годов уверенно вошел в мир только рождавшегося кинематографа. И вошел об руку не с кем-нибудь, а с Эйзенштейном, с другом юности и неизменным единомышленником в творчестве. Примечательно, в частности, давний случай, когда театр и экран породнились в искусстве этих художников физически: в действие плакатно-сатирического, парадоксального спектакля Эйзенштейна «Мудрец» на протекткультовской сцене был включен короткометражный фильм «Дневник Глумова», так что Штраух в роли Мамлюкова-Проливного одновременно предстал как артист театра и кино.

Но то был вызывающий эксперимент, отмеченный «детской болезнью левизны» в искусстве. Значительно важнее, что всемирной славе Штрауха в кино предшествовало его творческое участие в классических произведениях великого режиссера — «Стачке», «Броненосце Потемкина», «Октябре». Может быть, не все знают, что исполнители ролей в этих фильмах — в подавляющем большинстве непрофессиональные актеры — найдены и подготовлены к съемкам Штраухом. Это относится и к первому исполнителю роли Ленина в кино — В. Никандрову. Эйзенштейн высоко ценил способность своего товарища «узнавать» желанное лицо среди сотен встречаемых — на бирже ли труда, в ночлежном ли доме, среди сотен матросов крейсера, на базаре, в трамвае или просто на

люди искусства

ЕГО ГЛАВНАЯ РОЛЬ

А. АНАСТАСЬЕВ

улице. И это Штраух делал с неподражаемым умением...

Максим Максимович Штраух по праву признан одним из родоначальников советского кинематографа, его выдающимся современным мастером. Но вместе с тем он никогда, ни на один день не покидал театра. Думаю, и во всем сценическая судьба артиста сложилась счастливо: огорчительно, что Штраух до обидного мало играл в классических произведениях. Но он написал свою яркую страницу в книге советского театра, заняв в нем только ему принадлежащее место.

Если первые шаги Штрауха в кино связаны с Эйзенштейном, то сценическая зрелость пришла к нему в творческом общении с Мейерхольдом.

Победоносиков в «Бане» — вот наиболее значительная работа актера в мейерхольдовском театре; об этой роли сказал Маяковский: «Прекрасен Штраух». Образ Главначупса стоит в ряду высших достижений советской сценической сатиры. Это был точно нацеленный, неотразимый удар по бюрократизму, тупости, невежеству. Сплыв гражданственности, политической мысли и отточенного мастерства, свойственный Маяковскому и Мейерхольду, стал природой творчества актера. Это давалось огромным трудом.

Высочайший профессионализм, обдуманность каждого звена роли, совершенная пластическая и интонационная техника составляют артистическую силу Штрауха. Сказалась школа Мейерхольда. Однако именно эти черты побудили некоторых критиков говорить о том, что в даровании актера главенствует рациональное начало, что ему чужда непосредственность чувства. Здесь таится серьезное заблуждение. Действительно, Штраух не приемлет, как говорили прежде, актерского «нутра», он верит в интеллект и труд артиста. Интересен в этом смысле один заочный диалог:

«Недавно, — писал М. М. Штраух, — в «Театральной жизни» я прочел такие слова у Леонида Леонова:

«Ведь искать нужно не средств выражения, а творческое состояние, мудрость, озарение... А средства придут сами, когда это потребуется».

Ох, дорогой Леонид Максимович! Так ли это? На театре я тоже слышал такие советы: вы, мол, только правильно почувствуйте, а

остальное придет само собой! Ничто само собой не приходит.

Спектакль, сцены, образы — все, решительно все надо лепить, делать, строить. И вам, великолепному мастеру слова, это хорошо известно!».

Штраух последователен в своем представлении об искусстве актера и режиссера. Но строитель и скульптор сценических образов, он одухотворяет их непосредственным, живым чувством. Даже в остросатирических ролях угадывались реальные жизненные лица. Когда же актер встречался с живыми, углубленно реалистическими характерами, то в его искусстве, по-прежнему отточенном и выверенном, открывалась большая психологическая правда. Это явственно сказалось, пожалуй, впервые в спектакле «Улица радости» Н. Зархи на сцене Театра Революции, где неожиданно прозвучала чаплинская тема маленького человека в буржуазном обществе. А вскоре в том же театре Штраух воплотил свой первый образ строителя нового мира.

С тех пор прошло сорок лет, но я хорошо помню «Моего друга» Н. Погодина в постановке А. Попова. Помню не только неожиданность и новизну атмосферы этого спектакля поры первой пятилетки, но Астангова в роли Гая, Бабанову в крохотном эпизоде и Руководящее лицо — Штрауха. Жизненность, я бы сказал, душевность этого человека огромной сосредоточенной воли решительно отличали его от стандартных, достаточно условных сценических образов «руководителей». Возникло живое ощущение исторической ответственности, выпавшей на долю незаурядной крупной личности, — вот, пожалуй, то, что прежде всего сохранилось в памяти.

Потом было много других ролей в хороших и, к сожалению, чаще в слабых пьесах. Такова участь актеров, талант, интеллект и обаяние которых призываются в трудных случаях. Но в 30-е годы в жизнь Штрауха вошел образ, в котором аккумулировались все гражданские, духовные, художественные силы артиста, — образ Ленина. Почти сорок лет работает над ним Максим Максимович, и ленинский образ надо по праву признать главной ролью Штрауха.

Уже не раз писалось о том, как неожиданно пришла режиссеру Н. В. Петрову мысль поручить Штрауху

роль В. И. Ленина в пьесе А. Корнейчука «Правда», сколь невероятным, невозможным показалось поначалу это предложение артисту.

И не только ему. Когда образ был уже создан и успех стал несомненным, в хоре критических похвал прозвучала и удивленная интонация: откуда взялись у актера силы для труднейшего творческого акта — ведь слишком велика дистанция от «белого клоуна» в эксцентрическом представлении на арене Пролеткульта и других сатирических персонажей до образа Ленина. Высказывал такое удивление и я. Видимо, мы не знали о громадном запасе творческой энергии Штрауха, не приняли в расчет опыта революционных фильмов Эйзенштейна и погдинского спектакля. Между тем, конечно, между работой в «Октябре», «Моем друге» и живым ленинским образом, созданным артистом на сцене и на экране, существует преемственная связь.

День премьеры «Правды» в Театре Революции — 4 ноября 1937 года — вошел в историю советского театрального искусства: тогда впервые на сцену вышел живой Ленин, здесь начало сценической Ленинианы. Позднее Штраух играл свою главную роль в «Незабываемом 1919-м» Вс. Вишневского, в драме А. Штейна «Между ливнями». Живо откликнулся он на приглашение Театра на Таганке, и это его голос, ленинский голос, звучит в представлении «Десять дней, которые потрясли мир». К высшим достижениям художника в создании образа Ленина относится его работа в кино: «Человек с ружьем», «Рассказы о Ленине», «Ленин в Польше» — фильмы, поставленные старым другом и соратником артиста, выдающимся кинорежиссером С. Юткевичем, стали делом жизни Штрауха.

Об образе Ленина, созданном артистом, сложилась большая литература. Когда выйдет книга «Моя главная роль», мы словно бы окажемся в творческой лаборатории художника и узнаем много нового о его громадном труде. Мне же сейчас хотелось сказать о том, как на протяжении десятилетий растет, обновляется, обогащается образ Ленина в искусстве замечательного артиста.

Если мы посмотрим подряд «Человека с ружьем», а потом «Рассказы о Ленине» или «Ленин в Польше», то увидим, что с годами и опытом Штраух обретает все большую внутреннюю свободу, преодолевает жесткие рамки цитатности, пределы «обязательных», привычных жестов и интонаций. Самое существенное в том, чтобы в Ленине на экране и на сцене мы признали человека, который, как писал Горький, «в политике велик, но в то же время он реальный, земной, простой человек». Такой высоты достиг Штраух.

Кто знает, сыграет ли артист свою любимую и главную роль в новом произведении? Однако независимо от этого Штраух всегда живет в мире ленинского образа. Его живо интересуют опыты новых исполнителей, радуют их удачу и до боли тревожат легковесность, элементы безответственности, уступки дурному вкусу. Недаром замечательная глава книги Штрауха называется «Будем беречь образ Ленина». В домашней библиотеке Максима Максимовича ленинские книги и книги о Ленине занимают большое место. Он постоянно обращается к ним. Это стало потребностью жизни.

Не надо думать, что Штраух вошел сейчас в мемуарную пору и закрылся от людей в кабинете. Думается, что немногие из сверстников Максима Максимовича столь часто оказываются в роли зрителя — в театре или на выставке, а встретив его на улице, вы почувствуете, что, как и прежде, он зорко примечает все окружающее, ему все интересно, поэтому что это жизнь.

Есть у Штрауха и старое, любимое дело: вечером того дня, о котором я вспоминал, Максим Максимович пошел в свой театр, Театр Революции — ныне имени Маяковского — и играл роль Нарокова в «Талантах и поклонниках». Есть в образе старого рыцаря театра, созданном Штраухом, мудрость и, как мне кажется, глубоко лирическое начало.

Фото Б. Виленкина.